

Всегда я с Пушкинской ходил в Литинститут

Всегда я с Пушкинской ходил в Литинститут,
Хотя с Тверской, конечно, было ближе.
Не экономил этих двух минут
Я по причине той, что нужно слышать

Звук собственных шагов в виду лица
Поэта древности глубокой, что не скроет
Ни звона колокольчиков конца,
Ни палочки начальственной, что строит

Шеренги и когорты молодых
Под флагами цветастее фиалок.
А мы даем их времени под дых
И раздуваем тлеющий огарок

До пламени мартеновской печи,
Где языками дантовского ада
Готовятся украдкой кирпичи
Из нового культурного уклада.

Пройдет эпоха, жерла отопрут,
Зальют водою раскаленный кегль.
И он проступит, строки поплывут
От берегов мерцающей Онеги,
И с Пушкинской падут, как снега,
На названный в начале институт.

Глина

Всю разницу почувствовал в кармане,
Закинув руку под чужой пиджак.

В моей засевшей за подкорку ране
Вопросы «где?», «зачем?» и «как?»

Не застоялись, но переродились,
И каждой черточке уже потерян счет.
А чем они, они-то чем гордились?
В кармане лишь бухгалтерский учет.

В моем же — грязь — размокнувшая глина,
И что захочешь из нее лепи.
И если смерть — лишь гул и треск камина,
То жизнь — тончайшая моторика руки.

Окраины

Ты не знаешь, где ты потеряешь
И зачем негаданно найдешь.
Левым ухом слышу — уезжаешь,
Правым мозгом думаю, что врешь.

Левая рука стирает буквы,
Правая выводит скрип-слова:
Мир по Галилею (плоский, круглый?)
Двигается окраинами зла.

Что мне человечья разделенность?
В сумме расходящихся лучей,
Как неотгоревшая влюбленность,
Я один, а стало быть, ничей.

Сенокос

Я золотым пером то начал,
Что не чернилами светил,
А кровью самой блики лачит
И режет зубьями от пил.

Ты завернула в переулочек
Из магистральной темноты.
Я так кричал, что голос гулок
Дошел до мира пустоты,

До самой крайности озона,
Обрушив градины из грез.

Я подбираю их, и снова
Страда чернил и сенокос.

Опята

Свежесть с улицы доносится предвзято —
Я тебя не похвалил открыто.
Прорастают гроздьями опята
В голом пне, но глубоко зарытом.

Дальний лес и комната пустая,
Грустный пес у ног грызет калошу.
Если лямки рюкзака растут,
То спина удержит эту ношу.

Выходи тропинкой на прогулку,
Оставаясь в комнате стеклянной:
Каждый звук в лесу отныне гулкий...
И полыни запах... оловянной.

Ступень

Я чувствовал себя Алисой
В стране чудес,
Принимая вес
Языка.

Для меня значителен лес,
Пусть из него мука
Несъедобна.

Я думаю, это подобно
Чему-то свысока,
Но непонятно сбоку.

Я внятно сказал «пока»
Тривиальному року.
Общему, как айфон,
Коктейльная смесь, интернет.
Нора пошла под уклон,
И больше меня здесь нет.

Вы видите только тень —
Прообраз пути к иной

Реальности, как ступень,
Идущую за немотой.

Электричка

Посредь стоял, считая лиги,
Давился сумками вагон,
Одной рукой держал я книги,
Другую — прятал телефон.

Мотало всех, один держался,
Кидало насмерть в полотно,
И всякий голос, что сражался,
Глушило узкое окно.

Хоть стой, хоть плачь,
Лежи диваном,
Будь в миллионы раз хитрей...

С любимых дач,
Тяжелым поднятые краном,
В последний двигались тоннель.

Развивая Высоцкого

Одинокий стоял на вершине горы безымянной,
И напился ветров. И туманов заоблачных мел
Белым красил его, как сынов Авраамовых манной...
У подножья шакал падаль-мясо без удержу ел.

Разбивая гранит, птицы листьями стукались оземь,
Приближая тоску, удаляя преступно капель.
В горном крае смогу пережить холодную осень,
Ну а зиму продлить уготовано мне ль?

Осень — псевдоним

Под ногами хрустит, как чипсы,
Опавшая прель, и листва
Последним покровом ложится
На вечно сырые дрова.

Наземный фонарик мигает,
Компания гопников пьет.
Никто не поймет, не узнает,
Кто в домике старом живет.

Заходит в осенние чащи
И с порохом курит мундштук.
Быть может, ненастоящий...
В закрытые ставенки: «тук!»),

Калиточкой крашеной: «скрип» —
Смешная ветра игра.
А между поваленных лип
Растет временная дыра.

И ты, попадая в нее,
Выходишь немного другим.
В заброшенном доме твоём
Пугающий ждёт псевдоним.

Клубится под сумерки шель,
И встреча миров не сладка,
Как та придорожная прель
И призрачный свет с потолка.

Мой почерк

Как невозможность для подбора слов
И постановки всех тире и точек,
Я выбираю в мире катастроф
Единственный качающийся почерк.

Я пользуюсь чернилами пера
Мне наживую выдранного болью,
В лучей не верю силу бога Ра,
Не верю в то, что обладаю ролью.

Все эфемерно, только человек
В себе самом имеет перспективу.
И я, наверно, как вода у рек,
Не разрушая сразу всю плотину,

Сужаюсь до струи напора сил,
Переходя спокойствие стояния.
Ну а во мне, заглатывая ил,
Речные карпы мечут на заклятие.

И это все — для них, а мой же путь
Непредставимый в циклах неразмерен.
И я пишу... хотя бы что-нибудь,
Пока мой почерк пьян, а я потерян.

Координаты

В Москве уютно, как в Таджикистане,
Ну разве только пальмы не растут.
И ты не видишь дна в своем стакане,
Что на восточной долготе минут:

2 x 37 — дубляж подобен дроби,
Одиннадцать пятерок — синий лед.
Старик стоит, стоит в зеленой робе,
Над головой взлетает самолет,

Огни, салют... — не так, как в сорок пятом!
На северной холодной широте
Он был героем, мужем и солдатом.
А ты в Сети с патриотичным матом
Сдаешь Славянск «какой-то гопоте».

Ледоход

Вечно один, вроде зима...
Снаружи уют, пьют — пустота...
Полчища льдин — идет ледоход —
Вода не до дна промерзла.
То ли зима оттаяла,
То ли весна за весла...
Взяла?

Снова один. Гребь, гребь!
Левым веслом по кругу.
Русалок, русалов и прочих сардин
Бей им, не жди подругу!

Вечно один, снова зима,
Лодка вмерзает в воду.
Этих картин жизнь принесла
По две к каждому году.

Парниковый эффект,
Таяние льдов, стук топора о череп.

Сплавляют зэки кругляки дров
На одинокий берег.

И лодка плывет, теряется в них,
Как голова на плахе.
Пожар мировой, мировой парник,
Прадед седой в папахе

Вечно один. Кто он? Плывет
К нам с кругляком колымским.
Опередил жизнь — ледоход,
Лодочка близко, близко...

